

Дизайнеры делают свои «миксы» все смелее и рискованнее – так, как нельзя было бы представить себе лет десять назад

Смотрел «Постскриптум» с Пушковым и «Реальную политику» с Павловским: и там и там пустили странную рекламу...

Оперетта «Москва, Черемушки» была написана Шостаковичем в 1958 году, в период хрущевской оттепели, когда на легкую критику закрывали глаза

Interpone tuis interdum gaudia curis

НГ АНТРАКТ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «НГ» №6 (160), 17 ФЕВРАЛЯ 2006 г.

Делай как должно

Жизненные правила Полада Бюльбюль оглы

Елена Кутловская

Поладу Бюльбюль оглы 61 год. Серый, слегка щеголеватый костюм напоминает об артистическом прошлом нового Чрезвычайного и Полномочного Посла Азербайджана в России. Многие годы он пел на эстраде, руководил музыкальными коллективами, написал музыку более чем к 20 кинофильмам, став единственным представителем азербайджанской культуры, в честь которого в феврале 2000 года была открыта звезда на «Площади звезд» в Москве. Народный артист Азербайджана, профессор Полад Бюльбюль оглы никогда не ограничивался рамками эстрадного творчества. Он прекрасный композитор, им написаны крупные симфонические произведения, камерно-инструментальная музыка, вокальные циклы. На протяжении многих лет Полад Бюльбюль оглы был министром культуры Азербайджана.

Господин посол, как получилось, что вы, популярный певец и композитор, стали чиновником?

– У меня характер такой. Я по натуре человек общественный. Например, я был командиром октябрят в классе, по пионерской линии я выдвинулся на уровень всей школы – стал председателем совета дружины. А потом в течение трех лет был секретарем комсомольской организации. И директор выделил мне закуток в коридоре, оградив его стеклянными стенами, поставил туда стол и предмет моей особой гордости – сейф. Так у меня появился первый кабинет!

Что вы хранили в сейфе?

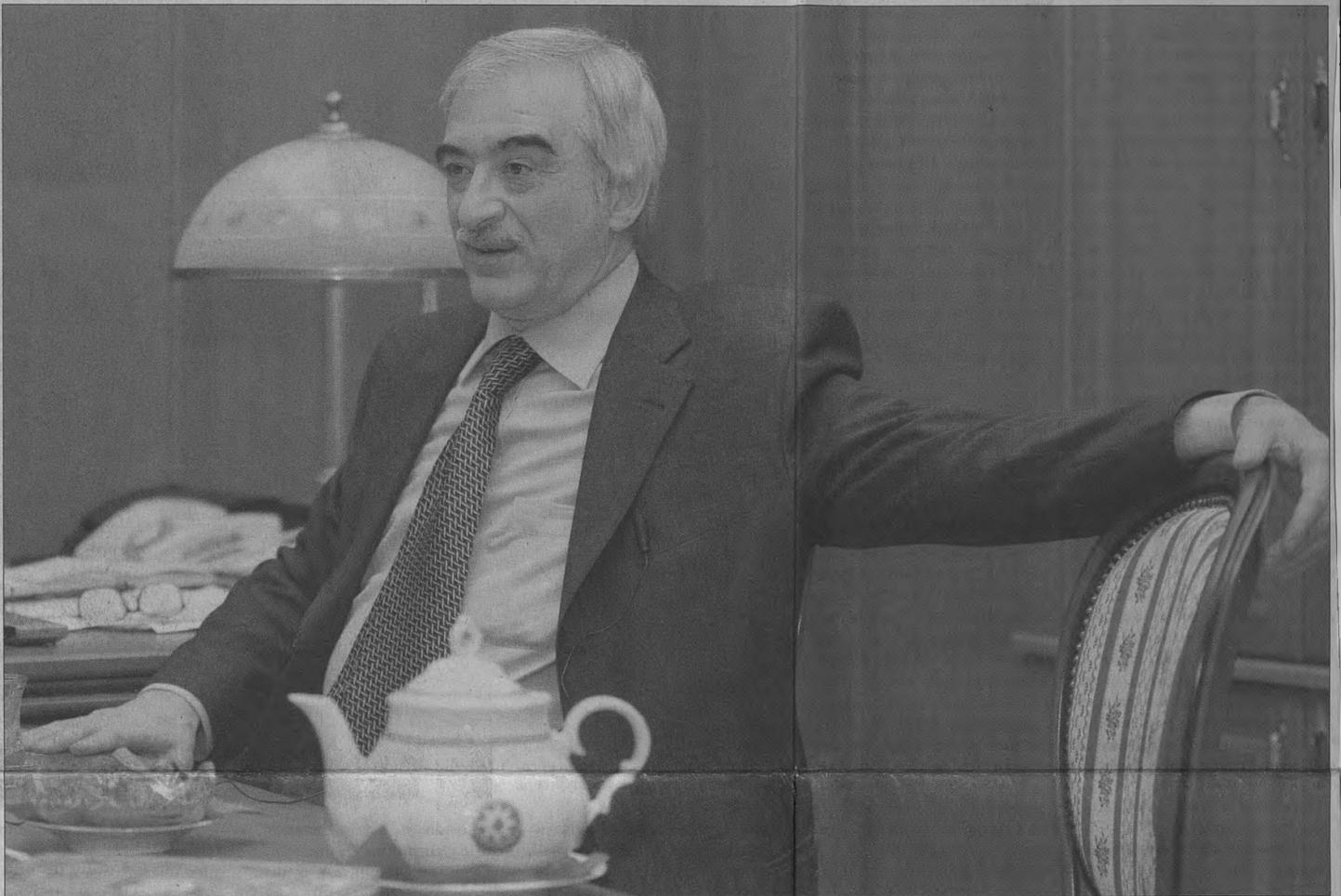
– Печать и комсомольские ведомости.

Мечтали о карьере партработника?

– Нет, что вы! Кто в те годы о карьере думал? Мне просто нравилось быть в центре общественной жизни. У меня всегда были задатки вожака, я любил верховодить. И во дворе тоже атаманил.

Дрались?

– А как же? Двор на двор и улица на улицу. Я получил такую закалку, что иногда могу нерадивому подчиненному сказать: «Знаешь, дорогой, я не только вежливо умею говорить. Могу и крепче выразиться». Еще я состоял в велосипедной ватаге. Ве-

Гостеприимный посол.

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

Принимать с восторгом: националистические настроенные круги протестовали против европейских «примесей» в азербайджанской культуре. Но отец преодолел этот не самый радостный период существования на родине, и в итоге стал основателем азербайджанской профессиональной вокальной школы пения, которая вообрала в себя и национальное мугамное пение, и классическое оперное искусство Запада.

Ну а народ, обычные зрители всегда очень любили отца – у него было великолепный голос, он одинаково хорошо пел как народные песни, так и классику, и практически до конца дней пел в оперном театре ведущие партии. Кстати, он был обласкан и местной властью, и всесоюзной и любимыми массами. Такое

редко бывает. Но, слава Богу, что с моим отцом было именно так.

– Вы понимали, в каком окружении росли?

– Нет, конечно. В детстве у человека есть папа и мама. Отец был очень гостеприимным, и у нас постоянно собирались люди. Дом походил на нечто вроде музыкального клуба.

– Но с годами, очевидно, пришло понимание того, что вы – не обычный дворовый мальчик, а сын выдающегося человека?

– Видимо, со временем я это осознал. Ведь у нас в гостях бывали Фикрет Амиров и Кара Караев, Ниязи и Рашид Бейбутов, Тофик Кулиев, Ольга Лепешинская, Давид Ойстрах. Когда они приезжали после концерта, для них накрывался большой стол, произносились блестящие тосты, конечно же, велись интересные беседы. И это были первые мои университеты.

– Вас муштровали в детстве? Насколько я знаю, вы учились в музыкальной школе по классу фортепиано.

– Не могу сказать, что мне очень нравилось сутками играть гаммы. Но я понимал, что это нужно. Хотя, несмотря на всю мою ответственность, родителям пришлось все-таки взять мне репетитора, так как я не проводил за инструментом должное количество времени.

– Многие дети известных родителей ведут себя весьма своеобразно. Ксения Собчак мне в интервью рассказывала, что была очень непослушной девочкой.

– Я в отличие от Ксюши был послушным мальчиком (смеется). У меня очень строгая мама. А к Анатолию Собчаку, с которым мы были знакомы, я относился с большим уважением. И когда он стал мэром Санкт-Петербурга, то первым принял решение об установке в Северной столи-

це России памятника нашему великому поэту Низами. К сожалению, осуществилось все это через 11 лет, уже после смерти Собчака. Памятник открывали Владимир Путин, Гейдар Алиев, министр культуры России Михаил Швыдкой и я.

Мы не раз встречались с Анатолием Собчаком и в Питере, и в Москве. Это был удивительно интересный человек. Мы много разговаривали о том, что происходит со страной, обсуждали ее состояние после развала СССР... Нам всегда было о чем поговорить! И сегодня я могу сказать совершенно определенно: это очень яркий человек. Не хочется говорить о нем в прошедшем времени.

– Как относитесь сегодня к распаду СССР?

– Все империи рано или поздно распадаются. Кстати, азербайджанцы – это одна из разделенных наций. Когда Россия и Персия воевали, у нас «чубы трещали», в результате войны часть, причем немаленькая, проживает в Иране, а часть – в сегодняшнем Азербайджане.

– Я помню вас на эстрадном советском Олимпе: вы были стройным лучезарным юношей и, пританцовывая, пели замечательную песню «Позвони»...

– Ой, было такое! А тогда ведь не разрешали двигаться. Но мне хотелось – и я танцевал! И поклонниц у меня было (махает рукой)... особенно если учесть, какая огромная была тогда страна, где я жил и пел.

– Маленькой девочкой я тоже была в вас влюблена.

– А сейчас уже не влюблены?

– Скажите, господин посол, вы окончили Бакинскую консерваторию?

– Да, бакинскую. Я получил очень хорошее консерваторское образование, я ученик Кара Караева. А Кара Караев – ученик Дмитрия Шостаковича. Поэтому по линии музыкальной – я внук Шостаковича (смеется). Кстати, недавно состоялась премьера моего балета – и в Мариинке, и в Большом. Так что даже через столько лет благодаря школе Кара Караева я еще владею композиторским ремеслом (улыбается). К нему стекались

ученики со всего мира! Я, например, знаю, что Владимир Шаинский специально приехал из Москвы в Баку, чтобы поступить на курс к Кара Караеву.

А на эстраду я попал в 1965 году, и – пошло-поехало!

– Голова не закружилась?

– Нет, как видите. Тогда столицей СССР была Москва – там были лучшие оркестры, звукозаписывающие фирмы, радио, телевидение. Мне приходилось сначала жить в гостиницах, потом снимать квартиру. А с 1973 года по 1986-й я практически стал жителем Москвы, хотя юридически всегда был прописан в Баку и никогда не собирался навсегда покидать Родину. Я всегда был и буду бакинцем.

– И как вам, лицу кавказской национальности, жилось в Москве?

– Очень хорошо! Тогда же у нас у всех была одна страна, и неприязни к себе я не ощущал. Обзавелся друзьями... Я контактный человек и могу жить где угодно.

– Так как же все-таки получилось, что вы стали чиновником?

– Постепенно. Я руководил коллективами, стал директором филармонии, а затем уже и министром культуры. Почему я пошел на это? Мне было уже 42 года. Накопилось усталость от гастролей. Мы ведь много гастролировали в советское время. Тогда не было лимузинов, бизнес-классов. К разряду VIP относились только депутаты. А мы, известные, вынуждены были пять и иногда по несколько концертов в день – живьем! – чтобы заработать для музыкантов. У них была мизерная зарплата, а коллектив содержать было необходимо. Я лично неплохо зарабатывал, и мне зачастую эти гастроли были не нужны, но вот ради своего коллектива приходилось постоянно выступать.

Министром культуры меня назначили в 1988 году, в самые трудные для СССР и для Азербайджанской Республики годы. Страшно и неспокойно было время...

– Быть директором филармонии или министром культуры

престижнее, чем просто певцом и композитором?

– Я был известным на всю страну человеком, меня с удовольствием принимали секретари обкомов и горкомов. Я довольно много вращался на уровне политической элиты. В Ставрополе я познакомился с Михаилом Горбачевым. Раиса Максимовна была на моем концерте. А в Свердловске познакомился с Борисом Ельциным. Тогда было принято, что известных гастролеров принимали местные власти. Недостатка во внимании я не испытывал. Наоборот, пойти на административную должность для меня было равнозначно тому, что оказаться в замкнутом пространстве. Надо было кому-то подчиняться. А я этого не любил. Я рано стал самостоятельным человеком. Мой отец умер, когда мне было 16 лет, и я привык сам принимать решения и сам проводить их в жизнь. Хотя умею и прислушиваться к чужим советам.

– Вы в гневе страшны?

– Лучше не попадаться мне под горячую руку.

– Вы попали на административную должность, когда начался шум вокруг Нагорного Карабаха?

– Да, начались провокации! И, как любого азербайджанца, меня это по-человечески очень задевало. Мой папа из Карабаха, из Шуши. (Кстати, в Азербайджане все самые известные музыканты, певцы имеют карабахские корни.) Ни один азербайджанец не может быть равнодушным к этой проблеме. В 1988 году на площади Свободы начались митинги, где собиралось до миллиона людей. Эти события вызвали у населения бурю негодований. Хотя нам тогда в СССР казалось, что трагического не может быть. Не верилось, что одна республика может выступить против другой и претендовать на часть ее территории. Казалось, что сейчас приедут какие-то дядечки из центра и все проблемы мгновенно разрешатся. Люди ходили по улицам и говорили: «Ну, не может же такого быть, ну, отрегулируется это все».

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 14

Я привык сам принимать решения. Хотя умею и прислушиваться к чужим советам

лосипеды тогда были редкостью, и мне папа привез из Москвы «Орленок». Я на нем так лихачил по Баку! Мотоциклов тогда не было, а вот велогруппа была. А еще мы сзади цеплялись за трамвай и ехали по городу. Тоже был особый шик и особый драйв. Но это было в детстве. Со временем я оступился.

– Расскажите, пожалуйста, о вашем отце, великом Бюль-Бюле?

– Может быть, неудобно высокопарно говорить о своем отце, но он был удивительным человеком и выдающимся музыкантом. В 1928 году он уехал учиться в Италию, это случилось в эпоху «железного занавеса». Можете себе представить? Но у него было такое желание учиться итальянскому пению, что помешать этому ничего не могло.

– Не могу сказать, что мне очень нравилось сутками играть гаммы. Но я понимал, что это нужно. Хотя, несмотря на всю мою ответственность, родителям пришлось все-таки взять мне репетитора, так как я не проводил за инструментом должное количество времени.

– Многие дети известных родителей ведут себя весьма своеобразно. Ксения Собчак мне в интервью рассказывала, что была очень непослушной девочкой.

– Я в отличие от Ксюши был послушным мальчиком (смеется). У меня очень строгая мама. А к Анатолию Собчаку, с которым мы были знакомы, я относился с большим уважением. И когда он стал мэром Санкт-Петербурга, то первым принял решение об установке в Северной столи-

208004